

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
(НИУ ВШЭ)

Доклад

**ТЕРРОРИЗМ:
НЕДОПУСТИМОСТЬ
ОПРАВДАНИЯ.
ИСТОРИЧЕСКИЕ,
ЭТИЧЕСКИЕ И
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Москва, июль 2020 года

Доклад подготовлен исследователями факультета права, факультета социальных наук, факультета мировой экономики и мировой политики, факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ
д.и.н. О.В.Будницким, д.ю.н. В.А.Виноградовым,
к.и.н. А.А.Исэровым, к.ф.н. Е.В.Казарцевым,
д.ф.н. Б.Н.Кашниковым, Д.В.Сусловым,
д.п.н. М.Ю. Урновым, д.п.н. Е.Г.Энтиной

Оглавление

3	Введение
3	Происхождение современного терроризма: случай России
6	Двадцатый век: терроризм в ряду преступлений против человечества
8	Современный сетевой международный терроризм и Россия
10	Как определять терроризм: важность коннотации
12	Национально-освободительная борьба и оправдание терроризма
13	Академическая этика в контексте оправдания терроризма
14	Правовые аспекты оправдания терроризма

Введение

3 сентября в стране отмечается День солидарности в борьбе с терроризмом. В этот день в 2004 году была освобождена захваченная боевиками школа №1 в Беслане. Тогда погибли 334 человека, больше половины из них – дети. Ранее, в октябре 2002 года, террористами был захвачен театральный центр на Дубровке. В заложниках оказалось более 900 зрителей, пришедших на мюзикл «Норд-Ост», что стоило жизни 130 человек. Были и взрывы жилых домов, метро, самолетов, поездов, захваты больниц, госучреждений и атаки на целые города. Последний крупный теракт произошел 3 апреля 2017 года в петербургском метро, в результате которого погибли 15 и пострадали более 100 человек. В год, когда произошла бесланская трагедия, в России, по данным Министерства внутренних дел, было зарегистрировано 9523 преступления террористического характера, из которых было раскрыто 17,7% (1689). За пятнадцать лет ситуацию удалось переломить. В прошлом году МВД сообщило о регистрации 1806 преступлений террористического характера, из них раскрыто около половины – 844.

Но чтобы свести к минимуму террористическую угрозу, нужны не только эффективные правоохранительные органы. Необходимо и многое другое: серьезный прогресс в борьбе с неравенством, бедностью, вовлечение всех групп населения в общественную жизнь, вложения в человеческий капитал. Ни при каких условиях нельзя забывать о том, какой ценой дались сегодняшние успехи. Консолидация российского общества, неприятие любого пособничества терроризму, единство в борьбе с его проявлениями смогли обеспечить то, что человеческий страх не стал главным орудием террористов. Сегодня, какой бы далёкой ни казалась угроза реального терроризма, важно сохранять атмосферу нетерпимости к террористическому насилию.

Терроризм – это безусловное зло, и любая позитивная коннотация по отношению к террористам должна быть неприемлема и недопустима, вне зависимости от того, где идет дискуссия – на телевизионном ток-шоу, на академической площадке или в частной беседе в социальных сетях. «Предотвращение терроризма означает и победу в борьбе на полях Интернета», – отмечал генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш.

1. Происхождение современного терроризма: случай России

В начале было слово. Слово, а точнее, несколько фраз, были написаны весной 1862 года в камере Тверской полицейской части студентом Московского университета Петром Зайчневским. Будучи арестованным за крамольные мысли, изложенные в перехваченном полицией письме к товарищу, он «на досуге», благо, что условия заключения не отличались строгостью, написал прокламацию «Молодая Россия». В ней впервые в России убийство открыто признавалось нормальным средством достижения социальных и политических изменений: «Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах».

Был определен и первоочередной объект террора: «Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком “Да здравствует социальная и демократическая республика русская!” двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что всё дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т.е. какой-нибудь сотни, другой людей...».

Соблазн террористической идеи, кроме того, что ее реализация, казалось, вела кратчайшим путем к цели, заключался еще и в ее своеобразной «гуманности». С одной стороны, истребление «сотни, другой» людей, с другой, если придется издать крик: «В топоры!» – «тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по городам и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами».

Александр Герцен считал, что «Молодая Россия» «вовсе не русская, это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика французской революции». Он отнесся к неизвестным ему авторам прокламации снисходительно: «Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить мы их не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут...». Не прошло.

Прокламация произвела особенно сильное впечатление на современников, поскольку ее появление совпало с петербургскими пожарами мая 1862 года. Среди них был Федор Достоевский, обнаруживший прокламацию на ручке замка своей квартиры. По поводу «Молодой России» он даже отправился объясняться с Николаем Чернышевским, которого считал вдохновителем радикальной молодежи. Вероятно, идеи «Молодой России» стали одним из источников теории Родиона Раскольникова, рассуждавшего о том, что «необыкновенный» человек имеет право и «даже был бы обязан» в случае необходимости «устранить этих десять или сто человек», мешающих прогрессу. Трудно не заметить переключку с «какой-нибудь сотней, другой людей» «Молодой России».

Суть теории Раскольникова совершенно точно уловил другой герой «Преступления и наказания» Разумихин, ужаснувшийся тому, что его приятель разрешает «кровь по совести». «Побочных» жертв террористов вспоминают, как правило, меньше всего. Как в случае с «Преступлением и наказанием»: все, «проходившие» роман в школе, помнят об убийстве старухи-процентщицы; однако, многим ли запомнилась «сестра ее Лизавета», оказавшаяся, к несчастью для себя, не в то время и не в том месте?

О якобы гуманности террора было легко говорить, когда речь шла о «сотне, другой» людей, принадлежавших к «императорской партии». Но что, если жертвами террора становятся посторонние люди, ни в чем не виновные с точки зрения радикалов? Вопрос о побочных жертвах стал особенно актуальным с того времени, когда террористы от кинжалов и револьверов перешли к использованию динамита. Собственно, предпосылками терроризма в современном понимании этого термина явились изобретение динамита и способов быстрой передачи информации. Ибо террористический акт в отличие от «традиционного» тираноубийства отличается тем, что это всегда некое послание власти и обществу.

Самым кровавым террористическим актом «Народной воли» стал взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года. Андрей Желябов настаивал на том, чтобы ограничить количество используемой взрывчатки: его ужасало предполагаемое число жертв. Исполнитель теракта Степан Халтурин, работавший в Зимнем дворце столяром-краснодеревщиком, не соглашался: «Число жертв все равно будет огромно. Полсотни человек будут непременно перебиты. Так лучше уж не жалеть динамита, чтобы по крайней мере посторонние люди не погибли бесплодно». В том, что немало посторонних погибнет, никто не сомневался.

Общее число убитых - прислуги и чинов лейб-гвардии Финляндского полка, несших в тот день караульную службу во дворце, составило 11 убитых и 56 раненых. Жертвами покушения стали недавние крестьяне, во благо которых был организован теракт. Исполнительный комитет «Народной воли» в прокламации по поводу покушения «объяснился»:

«Пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны».

1 марта 1881 года взмах платочка Софьи Перовской означал не только смертный приговор императору. В результате двух взрывов ручных бомб было ранено 9 человек из свиты и конвоя, а также 11 полицейских и прохожих. Смертельными оказались ранения казака конвоя Александра Малеичева и крестьянина Николая Захарова, 14-летнего мальчика из мясной лавки. Кто помнит их имена?

«Вторая волна» революционного террора в России приходится на первое десятилетие XX века. Ее началом стало убийство министра народного просвещения Н.П. Боголепова в марте 1901 года, «эпилогом» - убийство премьер-министра П.А. Столыпина в сентябре 1911. Пик терроризма пришелся на период революции 1905-1907 годов, когда, казалось, осуществились мечты некоторых идеологов терроризма - он пошел «в низы» и приобрел массовый характер. Массовый террор был, по сути, санкционирован руководством революционных партий, объявивших ответственными за политику правительства не только верхи, но и «мелких сошек». Идея революционного насилия попала на благоприятную почву нищеты, озлобленности, примитивного мышления и воплотилась в такие формы, с которыми, вероятно, не ожидали столкнуться ее пропагандисты. На смену «разборчивым убийцам», как назвал русских террористов Альбер Камю, задававшимся вопросами о целесообразности насилия, о личной ответственности, о жертве и искуплении, пришли люди, стрелявшие без особых раздумий. При этом не обязательно и не только в министров, прославившихся жестокостью, или в военных карателей, но и в тех, кто подвернулся под руку не вовремя, - в обычного городского или конторщика, на свою беду сопровождавшего крупную сумму денег, потребовавшуюся на революционные нужды. В 1905-1906 годах «народился новый тип революционера», констатировал Петр Струве, произошло «освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек». К этому приложили руку партийные идеологи.

Лидер одной из революционных партий писал своим товарищам в Санкт-Петербург осенью 1905 года:

«Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали! ...Идите к молодежи, господа! ...Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно, и т. д... и т. д. ...Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т.д.

...Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, бога для, все “функции, права и привилегии” ко всем чертям.

...Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания...

...Пусть каждый отряд учится хотя бы на избиении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч».

Автор этого обжигающего текста – Владимир Ульянов-Ленин. Вот тебе и «мы пойдем не таким путем»! Большевики создали Боевую техническую группу, и, любопытный штрих, бомбы, которыми эсеры-максималисты взорвали дачу Столыпина 12 августа 1906 года, были изготовлены в большевистской динамитной мастерской. Это был самый кровавый теракт в истории русской революции. При взрыве пострадали более 100 человек: 27 человек погибли на месте, 33 были тяжело ранены, многие потом скончались.

Организатор теракта, лидер максималистов Михаил Соколов («Медведь»), по поводу многочисленных жертв среди «посторонних» при взрыве дачи Столыпина высказался так: «Эти “человеческие жизни”? Свора охранников, их следовало перестрелять каждого в отдельности... дело не в устранении [Столыпина], а в устрашении, они должны знать, что на них идет сила. Важен размах... Каменную глыбу взрывают динамитом, а не расстреливают из револьверов».

Среди «своры охранников» были горничная, официанты, няня детей Столыпина, лакеи, некая Ольга Истомина с малолетним сыном, «неизвестная женщина на 8 месяце беременности» и другие просители, пришедшие на прием к премьер-министру.

В литературе принято приводить, безотносительно к тому, подчеркивает ли автор эффективность терроризма или доказывает его бесперспективность, списки убитых министров, губернаторов, генералов. Однако львиная доля жертв терактов приходится на «мелких сошек». Большинство погибших в результате террористических актов – мелкие служащие, рядовые полицейские, много жертв было и среди «эксплуататоров», особенно если они отказывались давать деньги на революцию; гибли немало и случайно оказавшихся вблизи намеченных «мишеней» людей. Общее число погибших в результате терактов в 1901-1917 годах превысило 17 тысяч человек.

Альбер Камю, много размышлявший о метафизическом смысле революционного насилия, полагал, что, взрывая бомбы, русские революционеры-террористы, «разумеется, прежде всего стремились расшатать и низвергнуть самодержавие. Но сама их гибель была залогом воссоздания общества любви и справедливости, продолжением миссии, с которой не справилась церковь. По сути дела, они хотели основать церковь, из лона которой явился бы новый Бог». В то же время он указывал, что «на смену этим людям явятся другие, одухотворенные все той же всепоглощающей идеей, они... сочтут методы своих предшественников сентиментальными и откажутся признавать, что жизнь одного человека равна жизни другого... Сравнительно с будущим воплощением идеи жизнь человеческая может быть всем или ничем. Чем сильнее грядущие “математики” будут верить в это воплощение, тем меньше будет стоить человеческая жизнь. А в самом крайнем случае - ни гроша». Что и случилось на самом деле.

2. Двадцатый век: терроризм в ряду преступлений против человечества

Как ни объяснять природу человека и соответственно человеческую историю – через грехопадение или через эволюцию – в основе её лежит не только добро, но и зло, причём добро и зло перемешаны и в каждом из нас. Истребление себе подобных сопровождает весь путь человечества, с самых древних времён и до наших дней, причём обычно пойти на злодеяние убийце проще, когда в его сознании жертва уже лишена человеческого облика, представлена неким «чуждым», «иным», лучше всего – врагом, угрозой.

Терроризм – частное проявление присущего человеку насилия. Понятие терроризма размыто (авторы вышедшей в 2011 г. RoutledgeBookonTerrorismResearch насчитали более 250 его определений на разных языках), но в узком смысле его можно определить как «преднамеренное применение или угрозу применения насилия против гражданского населения и инфраструктуры ради достижения политических целей путём давления на государство и общество» (Е. А. Степанова). По объекту действия рядом с этим «классическим» терроризмом стоит государственный террор, обычно массовый, жертвой которого также становится гражданское население, причём, как правило, выделен-

ные тем или иным образом его «вражеские» категории. Очевидно, грань между негосударственным и государственным террором часто нечёткая: та или иная организация с террористической идеологией или соответствующими планами может прийти к власти в стране; само исполнение террористического курса зачастую ведётся государством, которое мобилизует в свою поддержку те или иные общественные силы, полувоенные образования. Именно последнее столетие, с его глубокой системой государственного контроля над населением и в целом усилением института государства, с которым трудно вести обычную войну, с невиданным техническим прогрессом как в области оружия, так и средств связи, обеспечило терроризму широкое распространение в мире.

Подобно другим современным политическим идеологиям, от социализма до либерализма и консерватизма, терроризм – европейского происхождения, и вышел из Великой французской революции. 5 февраля 1794 г. в докладе Национальному Конвенту, озглавленном «О принципах политической морали», Максимилиан Робеспьер сказал: «Если в мирное время орудием народного правления является добродетель, то во время революции орудием его служат и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор гибелен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость; следовательно, он – проявление добродетели, не столько особый принцип, сколько вывод из общего принципа демократии, применяемого отечеством в крайней нужде». Здесь положено начало терроризму во имя левой идеи справедливости, причём от лица государства. Но, как человечество хорошо узнало в XX в., терроризм, как государственный, так и негосударственный, может развиваться на самых разных идейных основаниях.

Вряд ли в ранних русских марксистских кружках всерьёз задумывались о том, насколько кровавым окажется в итоге путь к обществу, которое далеко не все из тех революционеров назвали бы социалистическим. В 1937–1938 гг., во время Большого террора, в СССР были арестованы по крайней мере 1,6 млн человек, из них более 680 тыс. расстреляны. Гибли и по спискам – раскулаченные, священнослужители разных конфессий, бывшие царские и белые офицеры, бывшие члены разных политических партий, представители тех или иных национальностей, и «просто так». В 1930-е годы государство преследовало священников не только в Советском Союзе: в 1926–1934 гг. в Мексике во время и после подавления антиреволюционного выступления Кристерос (1926–1929) примерно из 4500 католических священников легально остались служить только 334. Примечательно, что в том самом 1937 году в Лиге Наций была разработана Конвенция по предотвращению и подавлению терроризма – но именно направленного против государства и нацеленного «создать состояние страха в умах определённых лиц или широкой общественности». Впрочем, этот документ был ратифицирован только Индией.

Одновременно в Германии начался нацистский террор, который в полной мере будет развёрнут в годы Второй мировой войны, когда основными по численности жертвами в длинном списке нежелательных групп станут евреи (около 6 млн чел.), гражданское население СССР (ок. 7,4 млн чел., включая ок. 2 млн евреев) и Польши (ок. 5,7 млн чел., включая около 3 млн евреев), советские военнопленные (более 3,3 млн чел.).

В 1943 г. польский юрист Рафаэль Лемкин, чудом спасшийся от гитлеровцев, предложил понятие «геноцид», официально закреплённое в итоге в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., – «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». К этому времени мировая общественность была уже хорошо осведомлена о спровоцированных младотурецким правительством убийствах христиан в Османской империи во время Первой мировой войны и первых послевоенных лет: погибло до 1,2 млн армян, ок. 650 тыс. греков,

не менее 150 тыс. ассирийцев. О почти полном уничтожении племён гереро и нама (современная Намибия) после подавления их восстания против германской колониальной администрации в 1904–1908 гг. даже сегодня знают лишь специалисты.

Во второй половине XX в. массовый государственный террор не ушёл в историю. Вот самые громкие, страшные примеры. В 1965–1966 г. в ходе свержения в Индонезии левого правительства Сукарно проамериканский генерал-майор Сухарто руководил уничтожением не менее полумиллиона сограждан, в первую очередь, коммунистов, реальных и воображаемых. В 1975–1979 гг. в небольшой Камбодже попытка «красных кхмеров» установить «аграрный социализм» совершенного равенства привела к гибели ок. 1,7 млн чел. – хорошо известно, что могли убить даже за ношение очков. Смерть в авиакатастрофе президента Руанды Жювеналя Хабьяриманы развязала руки движению Хуту-Пава («власть хуту»), чья идеология была глубоко примитивной, не то, что у «красных кхмеров», но итог деятельности похож: с 7 апреля по 17 июня 1994 г. было убито не менее 937 тыс. тутси.

Новый расцвет негосударственного терроризма наступил в 1970-е гг., когда к этой форме борьбы перешло палестинское движение за независимость, Ирландская республиканская армия, леворадикальные Фракция Красной армии (RAF) в Западной Германии и «красные бригады» (Brigate Rosse) в Италии, а уже в 1980-е – колумбийский леворадикальный ФАРК и его правые враги. Организации смыкались, подчас сотрудничали друг с другом – укреплялся феномен мирового терроризма, не ограниченного государственными границами. Именно к мировому исламскому терроризму примкнула в 1990-е гг. часть чеченского национального движения, возникшего на руинах Советского Союза. За 1970–2019 гг. всемирная база данных по терроризму (Global Terrorism Database) включает более 200 тыс. случаев терроризма, в том числе более 95 тыс. взрывов, 20 тыс. убийств, 15 тыс. захватов заложников, включая детей.

Гражданские лица стали первоочередными объектами террористических атак. Это делает терроризм всеобщей проблемой и угрозой. Воздействие на власть является конечной целью террористов, но жертвой террористической атаки может стать любой, в любом месте, будь то автобус в Иерусалиме, метро в Москве или Петербурге, супермаркет в Париже или торговый центр в Нью-Йорке. Терроризм – это не про президентов, премьер-министров, политиков, а про обычных граждан. Вы можете быть мужчиной или женщиной, консерватором, либералом или националистом, сторонником или противником независимости той или иной территории. Вы можете вообще не интересоваться политикой, не читать газет и смотреть по телевизору только футбол или сериалы про любовь. Это совершенно неважно, если вы окажетесь пассажиром автобуса или вагона метро, в котором взорвется бомба. Или посетителем супермаркета или театра, в котором будет открыт беспорядочный огонь на поражение. Это тот случай, когда средства террористов становятся важнее – и страшнее – цели.

3. Современный сетевой международный терроризм и Россия

К концу XX в. глобализация, окончание биполярного противостояния, попытка Запада распространить свои ценности и политико-экономическую модель на весь остальной мир (вестернизация), появление целого ряда «несостоявшихся государств», а также технологическая революция позволили возникнуть качественно новому явлению – сетевому международному терроризму, прежде всего исламистскому. Именно он является

главным олицетворением террористической угрозы, с которой человечество сталкивается на сегодняшний день и, видимо, будет продолжать сталкиваться, пока мир будет оставаться глобальным.

В исламском мире, включая мусульманское население европейских стран и России, друг на друга наложились несколько факторов. Социально-экономические и демографические проблемы (массовая безработица среди молодежи), длительные гражданские войны (Афганистан), отсутствие социальных лифтов и ощущение общей несправедливости в условиях старых коррумпированных авторитарных режимов на Ближнем Востоке, проблемы интеграции мусульманского населения в Европе, а также ускорившаяся после провозглашения «конца истории» и благодаря инструментам ИКТ вестернизация, привели к резкому усилению экстремистских настроений среди населения и элит многих ближневосточных стран, мусульманских диаспор в Европе. При этом информационная революция, распространение телевидения, Интернета, а потом и социальных сетей позволили экстремистским идеям и пропаганде распространяться невиданными доселе темпами.

Те же информационно-коммуникационные технологии, а также качественно возросшая экономическая взаимосвязанность и транспортная доступность, интенсивность всяческих трансграничных коммуникаций позволили сформировать сетевые по своей природе структуры, которые финансируются из одних стран, набирают боевиков из других и совершают теракты в третьих. Это организации типа «Аль-Каиды», запрещенного в России «Исламского государства» и десятков других, вместе образующих глобальный исламистский террористический интернационал. Наконец, тотальная информатизация и повышение во всем мире ценности человеческой жизни сделали теракты против мирного населения дьявольски эффективным средством и давления на политическое руководство, и политической дестабилизации, и запугивания населения.

По своей природе и характеру деятельности международный терроризм существенно отличается от национального терроризма XIX и XX веков.

Во-первых, его цели носят наднациональный, глобальный характер. Целью подавляющего большинства международных исламистских террористических структур является не получение тем или иным народом независимости и не смена правящего режима в отдельно взятой стране, а глобальное распространение радикального ислама, установление «глобального халифата». В этом – фундаментальное отличие современного международного терроризма от деятельности, например, баскских или североирландских террористических организаций в XX веке.

Во-вторых, главным инструментом современного международного терроризма является не адресное убийство политических деятелей, представителей властей или идеологических противников, а массовое убийство как можно большего числа ни в чем не повинных людей, в том числе мусульман (подавляющая часть жертв терактов в Афганистане, Сирии, Ливии, Ираке – мусульмане). Именно в этом – главное проявление его бесчеловечной природы, и поэтому он аморален и не может быть оправдан ни с какой точки зрения.

В-третьих, в отличие от централизованных террористических организаций XIX и XX вв., современный международный терроризм носит сетевой дисперсный характер, и обезглавливание тех или иных отдельных организаций не ведет к уничтожению угрозы как таковой. Участниками современных международных террористических структур являются выходцы из самых разных стран, получающие финансирование и оружие откуда угодно и распространяющие свои экстремистские идеи, опять-таки, по всему миру.

Именно с этим явлением Россия столкнулась во второй половине 1990-х гг. и продолжает бороться с ним по сей день. Более того, до событий 11 сентября 2001 г. именно Россия

являлась одной из главных мишеней международного террористического интернационала. В 90-е годы произошло сращивание бандформирований на российском Северном Кавказе с международным террористическим интернационалом. Из-за рубежа туда хлынул поток боевиков и их главарей (например, Хаттаб), экстремистской литературы и денег. Местные боевики проходили обучение в тренировочных лагерях «Аль-Каиды» в Афганистане и других странах, были налажены отношения с террористическим и запрещенным в России движением «Талибан». Результатом этого и стали вторжение террористов под командованием Басаева и Хаттаба в Дагестан и целая серия чудовищных терактов по всей России. Их целью было уже не столько получение независимости Чечни, сколько «освобождению мусульманского Кавказа от российского имперского ига» (Кудрявцев А. В. «Ваххабизм»: проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. — № 9. — 2000), то есть установление радикального исламистского «халифата» на всем Северном Кавказе и дальнейшее расширение его территории. Это ничуть не отличается от действий запрещенного в России «Исламского государства» в Сирии и Ираке.

Террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г., наконец, привлекли к угрозе современного международного терроризма должное внимание. Он был осознан как глобальная угроза, а не дело отдельных стран. При этом чудовищная, античеловеческая жестокость международных террористов – массовое насилие против мирных, зачастую не имеющих никакого отношения к политике граждан – сформировали общемировой консенсус рассмотрения международного терроризма как безусловного зла, находящегося на одном уровне с такими практиками, как геноцид или этнические чистки. Хотя политика и эгоистические интересы ряда стран мешают международному сообществу согласовать и гармонизировать единый универсальный список международных террористических организаций (национальные списки отличаются друг от друга), а международное сотрудничество по борьбе с международным терроризмом оставляет желать лучшего (ситуации в Сирии, Ливии и Афганистане – тому яркое подтверждение), разногласий по поводу того, что сетевой международный терроризм – это зло, которому нет и не может быть никаких оправданий, не существует. Об этом за последние двадцать лет было принято множество международных документов, включая резолюции Совета безопасности ООН.

4. Как определять терроризм: важность коннотации

Очевидно, что общественное восприятие терроризма в России складывалось достаточно долго, и в целом терроризм получил, к сожалению, не вполне однозначное толкование в нашем обществе. В советский период, например, формировалось позитивное отношение к террористам-революционерам, которые бросали бомбы в царей, великих князей и жандармов. Считалось, что эти террористы герои, борцы с самодержавием, что у них благая цель – освобождение народа от многовекового рабства. Имена многих из них были вписаны в историю, в честь них называли улицы, о них снимали фильмы. Создавался романтический образ героев-мучеников, которые вели упорную, кровавую борьбу за права народа. В еще большей степени положительную окраску приобретало осмысление красного террора первых лет революции.

В сознании ряда западных интеллектуалов также присутствует определенная позитивная коннотация в отношении терроризма. Нередко террористические действия ирланд-

ских или баскских патриотов расценивают как справедливую борьбу за свободу их стран. Есть, безусловно, силы, готовые даже такие явления, как фашизм и национал-социализм, рассматривать в романтическом ключе, героизируя их вождей. Хотя перечисленные явления насилия имеют разный характер, суть у них, в целом, одна: применение жесткой силы, направленной на уничтожение/подавление тех или иных групп людей для достижения определенных идеологических, политических или экономических целей.

Вопрос состоит в том, как относиться к этому сейчас? Являются ли цели, которые преследуют те, кто осуществляют такое насилие, достаточным основанием для оправдания подобных деяний? Прошло время, человечество переболело многими болезнями, оно повзрослело и появилась общечеловеческая оценка этих явлений. В целом, крайне негативная.

Как нам определять терроризм? Безусловно, это следует делать четко, так, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения в том, что насилие не должно быть оправдано. Язык в этом отношении наш главный помощник. Это сильнейший инструмент, позволяющий формировать картину мира, выражать наше отношение к тем или иным явлениям. В любом языке присутствует богатый синонимический ряд экспрессивных и эмоциональных средств, позволяющих вводить ту или иную коннотацию, давать то или иное определение. И здесь очень большое значение имеет то, какой синоним мы выбираем, какую коннотацию он несет. Можно сказать о человеке, что он шпион, а можно назвать разведчиком. Можно назвать кого-то убийцей, а можно сказать, что он киллер или, например, «чистильщик», т.е. тот, кто занимается «благородным делом», очищая общество от лишних или вредных элементов. И тут возникают вопросы, поставленные еще Достоевским в романе «Преступление и наказание»: имеют ли люди определенного склада право на уничтожение других людей, если действия первых предполагают «благородную» цель. Кто дает право убивать? Ведь убийство - смертный грех. Тем более, убивать невинных, не в бою, а в мирное время? Как мы должны определить убийство, совершенное в тех или иных условиях, по тем или иным причинам?

Известно, что и во время войны далеко не всякие боевые действия, согласно современному гуманитарному праву, являются допустимыми. Например, нападение на мирное население признается им военным преступлением. Подобные действия в условиях любой войны – даже освободительной или священной – совершенно неприемлемы.

После Второй мировой войны перед человечеством встал вопрос оценки действий, совершенных национал-социалистами. Стали широко использоваться такие термины, как военный преступник, преступление против человечества. Был учрежден Нюрнбергский трибунал. Возникла необходимость выработки однозначного отношения к тем или иным проявлениям насилия, особенно совершенным в политических целях. Хотя Гаагские и Женевские конвенции были приняты задолго до этого, только после второй мировой войны появилось понятие «преступление против человечества» (crimes against humanity) и окончательно утвердилось представление, что действия, направленных на уничтожение гражданского населения, не могут иметь никаких оправданий; им нельзя давать эпитеты, носящие позитивную, тем более героическую окраску. Тоже самое и в еще большей степени относится к терроризму.

Под каким бы флагом и с какими бы целями ни совершались такие преступления – их следует квалифицировать именно как преступления, как безусловное зло. Сами террористы полностью отдают себе отчет в том, что их жертвы не виноваты в тех проблемах, которые с помощью этих жертв пытаются решить. Поэтому они (террористы) не герои, не борцы за свободу, а фанатики, которые ведают, что творят. Терроризм, как и Холокост,

является преступлением против человечества, которое никак и ничем нельзя оправдать: ни историческими, ни политическими причинами, ни экономическими ни религиозными мотивами, ни освободительной войной. И таким же непримиримым, особенно в среде интеллектуалов как носителей общечеловеческой морали, должно быть и отношение к терроризму.

Акценты нужно расставлять точно и выверенно, не забывая о том, что в нынешней очень непростой международной обстановке обвинения в терроре против своего собственного населения искусно используются для дестабилизации неугодных политических режимов, развязывания военных конфликтов, эскалации межрелигиозного и межэтнического противостояния. В недавнем прошлом мир наблюдал этот сценарий в процессе распада Югославии. Впоследствии подобные сюжеты возникали и на Ближнем Востоке, и в Северной Африке.

5. Национально-освободительная борьба и оправдание терроризма

Россия является носителем очень тяжелого и в то же время бесценного опыта борьбы с терроризмом на своей собственной территории. Никто в нашей стране ни в академических, ни в каких-либо других кругах не оправдывает и не пытается оправдать терроризм и его преступления. И всё же в информационное пространство попадают неряшливые, плохо отредактированные фрагменты, которые могут создать превратное представление. Поэтому необходимо подчеркнуть следующее.

Во-первых, международный терроризм 1994 – 2009 гг, осуществлявшийся с территории Чечни, нельзя рассматривать как национально-освободительную борьбу. Не признали его таковым и компетентные международные организации.

Теракты, совершенные боевиками, не были проявлением борьбы чеченского народа за независимость. Квалифицировать их иначе (и автоматически представлять Россию в виде угнетателя, «империи зла» или «тюрьмы народов») значит не только морально поддерживать террор, но и дискредитировать какую бы то ни было политическую борьбу за справедливость. Стоит отметить, что с годами тема Чечни отошла в повестке дня российско-западных политических баталий на второй план. Прежде всего потому, что в самом регионе наступила стабильность, и никакого массового «народно-освободительного движения» там нет и в помине.

Во-вторых, само понятие «национально-освободительная война» имеет исключительно позитивную коннотацию – это борьба того или иного народа за свою независимость, война против угнетателей, колониального рабства и т.д.

Использование оборота «национально-освободительная борьба» применительно к терроризму является осознанным (или не осознанным) стремлением, если не оправдать, то, по крайней мере, смягчить вину преступников. Оно переворачивает моральную сторону вопроса с ног на голову и выставляет террористов «благородными разбойниками», руководствующимися высокими целями и идеалами. В результате жертва терактов предстает в роли палача, а палачи – жертвой. Подобное совершенно недопустимо.

Терроризм считается сегодня безусловным злом, которому нет оправданий или смягчающих обстоятельств. Эта позиция отражена в десятках международных документов, включая резолюции Совета Безопасности ООН и международные конвенции, не говоря уже о сотнях национальных документов разных стран мира. В отношении таких пре-

ступлений, как терроризм, геноцид, этнические чистки, рабство и другие преступления против человечности – моральная оценка их действий не берет и не должна брать в расчет их политические мотивы – какими бы они ни были.

6. Академическая этика в контексте оправдания терроризма

Можно ли использовать тезисы, которые прямо или косвенно оправдывают терроризм в академической среде, научной дискуссии? Академическая этика не допускает легковесных публичных суждений на морально значимые темы. Это не означает, что эти вопросы нельзя обсуждать. Их можно обсуждать, проявляя такт и осторожность. Справедливости ради следует заметить, что в военной этике порой можно встретить теоретическое объяснение терроризма применительно к исключительным ситуациям. Например, для борьбы с тем же терроризмом или геноцидом. Здесь речь идет не о табу на исследования, а об этике публичных выступлений ученого. С учетом авторитета науки, публичное научное обсуждение причин терроризма или геноцида, не предваряющееся однозначным определением этих явлений как не имеющего оправдания зла – является мощным негативным фактором, поражающим эмоциональную и нравственную атмосферу общества.

Такая моральная оценка терроризма утвердилась не сразу. Можно вспомнить позиции российских социологов, близких к революционным народникам и эсерам. Классическим примером публичного оправдания терроризма является знаменитая книга участника алжирского сопротивления Франца Фанона *“Les damnés de la terre”*, переведенная на русский язык под названием *«Проклятым клейменным»* (1961) и очень популярная в СССР. Фанон оправдывает терроризм алжирского национально-освободительного движения в отношении мирных французов. Фанона полностью поддержал философ Жан-Поль Сартр, который написал предисловие к этой книге.

Тезисы о «национально-освободительной борьбе» некритически повторяют дескриптивные, книги Фанона в отношении необходимой связи между национальным освобождением и террором. Но эти положения не верны. Мир изменился. Терроризм был осужден нормами международного права. Между тем, борьба народов за самоопределение, пусть и вооруженная, но не террористическая, была признана правомерной. Бойцы национального освобождения были признаны законными комбатантами в дополнительных протоколах к Женевским конвенциям 1977 года. Право наций на самоопределение было закреплено в международных пактах. В то же время был достигнут международный консенсус о недопустимости терроризма как метода вооруженной борьбы.

«Развод» терроризма и правомерных действий в рамках социальных (и даже вооруженных) конфликтов, произошедший в последние десятилетия, оказался плодом широкого общественного консенсуса – от государств и надгосударственных образований до НКО и университетов. Во многом это стало результатом широкой дискуссии об общечеловеческих ценностях. Последние, являясь «минимальным пакетом согласия» для цивилизованных людей, ассоциаций и государств, в свою очередь являются предметом дискуссий. И, как антипод права на жизнь, безусловному осуждению подвергается преступление против человечества – покушение на жизнь заведомо невинных людей. Здесь терроризм стоит в одном ряду с геноцидом, массовыми убийствами на национальной, расовой, религиозной или классовой почве, холокостом.

По этим причинам тезис Фанона о неизбежности терроризма в национально-освободительном движении в современных условиях представляет собой анахронизм, теорети-

чески и практически не верный, сомнительный с точки зрения академической этики и оскорбительный для морального чувства многих граждан.

7. Правовые аспекты оправдания терроризма

Конституция России гарантирует права и свободы человека и гражданина, в том числе свободу мысли и слова, свободу преподавания, научного и других видов творчества (ч. 1 ст. 44), и запрещает принуждение кого-либо к выражению своих мнений и убеждений или отказ от них (ч.1 и 3 ст. 29).

Но эти конституционные нормы не означают безграничной свободы личности в своём поведении. Пределы свободы слова установлены в самой конституции (ч. 2 ст. 29) и конкретизированы в федеральном законодательстве. В России, как и в большинстве других стран, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма является преступлением.

Уголовное законодательство России содержит отдельный состав, криминализирующий публичное оправдание терроризма, наказание за которое предусмотрено в Уголовном кодексе РФ (ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»). Под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона “О противодействии терроризму”: терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий. Террористическая деятельность при этом включает в себя не только сами теракты, но и пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Глубинный смысл взгляда на оправдание терроризма как на преступление состоит в том, что такой подход лишает террористов возможности юридически легализовать (или социально оправдать) свои действия под какими бы то ни было благовидными предлогами (борьба за независимость, восстановление справедливости, признания особых прав и пр.). Социальная опасность оправданий терроризма заключается, прежде всего, в том, что они создают ощущение приемлемости террора, поощряют террористическую активность, готовят почву для совершения новых преступлений террористической направленности.

В отличие от публичных призывов (воззваний, побуждающих к активным действиям) публичное оправдание терроризма направлено на то, чтобы вызвать сочувствие, симпатию к террористам, придать им ореол героев, борцов за правду, свободу, “чистоту веры” и пр., обосновать целесообразность и правильность их преступного поведения, которое заслуживает поддержки и подражания.

Любые действия подобного рода сами по себе представляют общественную опасность, поскольку они, независимо от своих мотивов, подрывают моральные устои и наносят ущерб безопасности общества. Наоборот, атмосфера отторжения таких идей и действий, социальный остракизм, моральная изоляция их носителей способствует снижению рисков возникновения террористических угроз.